

УДК343.13

Ульянова Алевтина Александровна

старший преподаватель кафедры

уголовно-правовых дисциплин

Тихоокеанский государственный университет,

Россия, Хабаровск

Alevtina Aleksandrovna Ulyanova

senior lecturer of the Department

of criminal law disciplines

Pacific national University, Russia, Khabarovsk

**КОНЦЕПЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ**

**THE CONCEPT OF RESTORATIVE JUSTICE AND PROSPECTS FOR
THE USE OF MEDIATION IN CRIMINAL CASES**

Аннотация: В статье проанализирована концепция восстановительного правосудия и обозначены перспективы применения медиации по уголовным делам.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, уголовный процесс, преступник, преступление, жертва, примирение, социальная интеграция.

Summary: The article analyzes the concept of restorative justice and the perspectives of mediation in criminal cases.

Key words: restorative justice, criminal process, criminal, crime, victim, reconciliation, social integration.

Сегодня в мире явно прослеживается тенденция применения альтернативных средств разрешения споров и конфликтов, в том числе и уголовно-правовых, используя специальные процедуры, направленные на примирение сторон и поиск решений удовлетворяющих спорящие стороны. Довольно широко применяются альтернативные методы реагирования государства на совершенные преступления, позволяющие устранять их последствия нетрадиционным способом. Они применяются в тех ситуациях, когда при наличии фактических оснований для применения традиционных механизмов реагирования, допускается применение альтернативных механизмов что, в ряде случаев, способствует разрешению уголовно-правового конфликта вне процессуальным способом, без уголовного преследования, либо позволяет прекратить уголовное преследование на любом этапе.

Формирование таких механизмов связано с поиском наилучших средств борьбы с преступностью, с необходимостью в упрощении и ускорении процессуальной деятельности, а также создании оптимального инструмента обеспечения гарантий интересов потерпевших.

Сущность и содержание таких альтернатив уголовному преследованию напрямую связана с концепцией восстановительного правосудия. Тони Маршалл сформулировал определение «восстановительного правосудия» как «процесс, посредством которого стороны, вовлеченные в конкретное преступление, совместно решают, как обращаться с его и какие выводы сделать для будущего». Иными словами: «Восстановительное правосудие – это ориентированный на решение проблемы подход к преступности, который вовлекает сами стороны и общество в целом в активные отношения с юридическими органами. Это не особая практика, но набор принципов, который позволяет ориентировать общую практику любого органа или группы в отношении преступности» [7]. «Нормы восстановительного правосудия» Британского

Консорциума восстановительного правосудия так обозначают цель восстановительного правосудия: «Восстановительное правосудие стремится уравновесить интересы жертвы и общества с необходимостью социальной реинтеграции преступника. Оно ориентировано на то, чтобы содействовать исцелению жертвы и предоставить возможность всем сторонам, вовлеченным в процесс правосудия, участвовать в нем плодотворно» [8].

Законодательство многих государств идёт по пути гуманизации уголовно-правовых процедур и в ряде международно-правовых актов эти положения находят своё отражение. В течении многих лет мировая практика ориентируется на оптимизацию процесса разрешения уголовно-правовых конфликтов, путем сталкивания интересов правонарушителя, жертвы, общества и государства в связи с совершенным правонарушением.

Поэтому во многих странах активно формируются, развиваются и применяются примирительные процедуры, которые в определенных случаях способны устранить негативные последствия преступления, не привлекая лицо к уголовной ответственности. В результате такой подход позволяет оптимизировать уголовное судопроизводство, сократить нагрузку судов, удовлетворить в большей степени интересы потерпевшего, в том числе потребность в возмещении ущерба, вместе с тем, позволяет избежать строгого наказания для правонарушителя, применение которого не всегда способствует достижению целей наказания в части исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

На сегодняшний день в России, привлекая к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, всё-таки, должным образом не реализуется защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления (ст. 6 УПК РФ) [3]. Таким образом, на практике интересы потерпевшего остаются второстепенными по отношению к интересам общества и государства, которые зачастую

выражаются лишь в интересе конкретных правоохранительных органов в достижении результата своей работы.

Существующее сегодня в Российской Федерации правосудие отличается невниманием к нуждам и потребностям жертв преступлений. При том что лица, признанные потерпевшими, могут в соответствии со ст. 42 УПК РФ давать показания, заявлять ходатайства и отводы, выступать в судебных прениях, заявлять иски, т.д., уголовный процесс в его сегодняшнем виде не дает возможности жертве восстановиться и встать на путь исцеления от последствий совершенного в отношении него преступления [3]. А ведь жертвы преступлений имеют свои потребности и нуждаются в восстановлении чувства безопасности и доверия к людям, в компенсации материального и морального вреда. У многих из них остаются болезненные вопросы: "почему я?", "за что?", "повторится ли это?", "может это моя вина?", и они нуждаются в ответах. Такие жертвы преступлений долгое время могут сохранять чувство страха, горя, незащитности, недоверия к людям, и даже обвинять себя в произошедшем с ними. На фоне этого у них могут развиваться комплексы, заболевания, фобии, они рискуют так и не вернуться к прежней жизни. А для некоторых из них очень важна возможность поделиться своей историей и своими переживаниями с самим правонарушителем и получить от него ответы на волнующие вопросы.

Вместе с тем, в рамках компенсации материального и морального ущерба, суммы необходимые к выплате часто не способны даже частично компенсировать причинённый материальный и моральный вред, и, в конечном счете, представляют собой сумму определённую судом, а не заявленную иском. Следовательно, российская система правосудия оставляет неудовлетворённой потребность жертвы к возмещению ущерба, компенсации своей потери.

Из чего можно сделать вывод, что жертвы преступлений имеют двойной ущерб: как от преступления, совершенного в отношении них, так и от карательного способа организации российского правосудия, не реализующего в полном объеме защиту их прав и законных интересов и не удовлетворяющее их нужды и потребности.

Кроме того, после совершения преступления, чаще всего внимание общественности сосредоточивается именно на преступнике, на порицании его личности и его действий, забывая при этом о содействии преступнику в осознании своей вины и ответственности, создании для него психологических и материальных условий реализации скрытых потребностей по возмещению ущерба, причиненного его противоправным деянием, компенсации морального вреда доступными для него способами. Нельзя не принимать во внимание такую категорию преступников, которые имеют внутреннюю, более или менее скрытую потребность в примирении с потерпевшим, возмещением ему вреда или в прощении его преступного деяния. Возможно в конкретной ситуации имеются факторы препятствующие их проявлению, связанные с конфликтной ситуацией между ними, это может быть боязнь расправы со стороны близких потерпевшего, внутренние страхи и комплексы, нерешительность и многое другое. Такие преступники нуждаются в психологической помощи и определенных механизмах выявления и реализации их положительных намерений, что в свою очередь способствовало бы осознанию их вины, исправлению и предупреждению совершения новых преступлений.

Таким образом, российское правосудие, трактуя совершенное преступление как нарушение законов государства, а не нарушение прав и законных интересов конкретных лиц и общественных отношений, ориентируя уголовный процесс на доказательство виновности и определение наказания виновному, обретает карательных характер.

В настоящее время в российской практике происходит формирование новых способов и механизмов реагирования на совершенное преступление, которые составляют альтернативу уголовному преследованию, способные по своей сущности устранить негативные последствия, причинённые преступлением. Эти средства имеют не карательную, а восстановительную направленность, они исключают применение традиционного уголовного преследования и наказания, и являются основанием для освобождения от уголовного преследования в случае исполнения правонарушителем определенных условий.

Так, разрешая уголовно-правовой конфликт, внимание акцентируется не на государстве, а на потерпевшем, и именно его интересы становятся центральными, выявляются его потребности с целью их удовлетворения виновным лицом без процедуры уголовного преследования. При этом применяется ряд примирительных процедур, в частности, медиация.

Определение «медиации по уголовным делам» дается в Рекомендации № R (99) 19, принятой Комитетом Министров Совета Европы 15.09.1999 года, «медиация – это процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления» [1].

На сегодняшний день медиация является перспективной и широко признанной во многих странах альтернативной мерой уголовно-правового характера, применяемой на любом этапе судопроизводства, или исполнения наказания, обеспечивающая право каждой из сторон на примирение, призванная не карательным способом решить уголовно-правовой конфликт и возместить вред потерпевшему, что позволяет не обострять уголовно-правовой конфликт, а способствует к более успешной

социальной реинтеграции потерпевшего или правонарушителя в общество. Такой подход в полной мере соответствует основным тенденциям развития современной международной уголовной политики, которая все более склоняется к необходимости перехода от стратегии "войны с преступностью" к стратегии "сокращения вреда", от "возмездной юстиции" к юстиции возмещающей, восстанавливающей или так называемому «восстановительному правосудию». В результате более тридцатилетней истории политики гуманизации уголовного судопроизводства, такие развитые страны как, например Англия, Канада, США, Нидерланды и другие, активно применяют и распространяют альтернативные не карательные способы реагирования на преступление, ориентированные на смягчение уголовно-правового конфликта и действующие вне рамок традиционной уголовной юстиции [5].

Изучая зарубежный и отечественный исторический опыт, очевидно, что применяемые институты, воплощающие идеи восстановительного правосудия, способны обеспечивать более адекватное реагирование на преступление. При этом любое противоправное деяние, влекущее за собой любой вид правовой ответственности, обретает соответствующую реакцию со стороны государства и общества. Это в более полной мере способствует восстановлению нарушенных прав потерпевшего, возмещению ему причинённого вреда, исправлению преступника и избавлению его, в отдельных случаях, от судимости, также улучшаются взаимоотношения между участниками конфликта, что позволяет избежать в будущем новых конфликтов между ними [6]. Таким образом, средства борьбы с преступностью, применяемые государством, рассматриваются как средства защиты общества и интересов каждого гражданина, а не как показательное наказание преступника [2].

Учитывая динамику изменений современной правовой политики в России, в настоящий момент можно говорить о наличии соответствующей

политической воли к созданию условий для внедрения альтернативных мер уголовно-правового характера, в том числе и примирительных процедур на разных стадиях уголовного процесса. Так, в качестве одного из основных направлений развития социальной политики, закрепленном в распоряжении Правительства РФ от 17 ноября 2008 года N 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», обозначено направление «реализации технологий восстановительного правосудия и проведения примирительных процедур» [6]. Для полноценного внедрения медиации в правоприменительную практику необходимы соответствующие нормативные изменения в уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательства.

Литература:

1. Рекомендация № r (99) 19 Комитета министров государствам – членам совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах [Электронный ресурс] / - режим доступа: http://mosmediator.narod.ru/mezhdunarodnie_akti/rekomendatsiya__r_99_19_komiteta_ministrov_soveta_evropi_ot_150999_po_mediatsii_v_ugolovnih_delah/
2. Рекомендация № R/96/8 КМСЕ «По политике борьбы с преступностью в изменяющейся Европе» (Politique criminelle et droit penal dans one Europe en transformation). — Conseil del'Europe. - Mars 1999. - С. 7-38.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - N 52 (ч. I). - Ст. 4921; 2016. - N 1 (часть I). - Ст. 29.

4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009) (вместе с "Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года") // Собрание законодательства РФ. – 2008. - N 47. - Ст. 5489.
5. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 185 с.
6. Попаденко Е. В. Уголовно-правовой конфликт: понятие и способы преодоления / Е. В. Попаденко // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей. Вып. 1 / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. -Ярославль: ЯрГУ, 2006. - 310 с.
7. MARSHALL, T., Restorative Justice. An overview, London, Home Office Research Development and Statistics Directorate, 1999. – 36 p.
8. JUSTICE CONSORTIUM, Standards for Restorative Justice, London, The National Council for Social Concern, 1998. – 50 p.